

ИСТИНА, МОЖЕТ БЫТЬ...

16+

МАРИНА СУШИЛОВА

Марина Сушилова
Истина, может быть...

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Сушилова М. Л.

Истина, может быть... / М. Л. Сушилова — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Кто мы? Как попали сюда? Для чего мы живем? Какой смысл в нашем существовании и почему, в конце концов, все заканчивается? Почему тело и душа иногда не в ладу друг с другом, если мы – единое целое? Моя повесть – одна из многочисленных человеческих попыток ответить на эти вечные вопросы. А еще эта повесть - ароматное лето детства и свежий чистый ветер юности.

© Сушилова М. Л., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Пролог	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

*Если ты читаешь это, если это
пробилось сквозь цензуру и на это у кого-то
нашлись средства для издания, знай:
это – не истина.*

Пролог

– Великий, мы выполнили сегодняшнюю норму, они уже здесь!

В переплетении излучений висело несколько переливающихся перламутром светящихся овалов. Одни из них были голубовато-серыми, другие мерцали тепло, розово. Висели угрожающе-фиолетовые – те были больше похожи на сгустки тумана, свет от них исходил приглушенный, тусклый, а может быть, просто терялся в ворсинках. Зеленые были яркие и веселы, желтые спокойны до унылости, все оттенки красного пульсировали нестерпимо. Не было среди них похожих. Все, что объединяло их в данный момент – это невозможность отлепиться от цепкой паутины.

– Огласите их вину и обязанности и отправляйте! Пора.

– Куда на этот раз о, Великий?

– Россия, шестидесятые двадцатого.

– Будет исполнено о, Великий!

Ловцы Душ потянули сеть, и перламутровые овалы задвигались, повторяя движение сетки: то сближаясь друг с другом, то протягиваясь в пространстве; они подрагивали, разгораясь от напряжения все ярче.

– Вы все слышали? Вина ваша доказана – вы примкнули к Восставшим против Великого. Вы возгордились и посчитали, что можете сами распоряжаться собой разумно, и что если вам предоставить волю, вы будете счастливы. Великий решил отпустить вас. Вам предоставлено, в течение мига расширением в человеческую жизнь, право на свободное волеизъявление. Вам будет дано тело, и вы станете управлять им по своему усмотрению. Если вы справитесь с задачей и сможете разумно им распорядиться, Великий отпустит вас, и вы войдете в число ста сорока четырех тысяч праведников, живущих свободно и вечно. Если же нет, вы сами станете просить забрать вас обратно. Дальнейшее вы знаете: чистилище, суд, врата ада, рая – это для вас не новость.

Ловцы Душ выволокли сеть и потянули ее к голубоватой точке, которую и не сразу-то можно было заметить среди полыхающих красных, оранжевых, почти белых слепящих звезд. По мере приближения, голубая точка становилась все больше, пульсировала все сильнее, становилась все притягательнее. Овалы даже не пытались сопротивляться. Оцепеневшие от неотвратимости надвигающегося, они волочились по пространству, повторяя замысловатые изгибы гигантской паутины. Ловцы Душ торопились: пора, пора, пора!

Голубовато-серый предназначен был девочке. Ее мать не кричала, как другие роженицы, она старалась сдерживать рвущийся крик, и тогда из ее искусанного рта, тянулся тяжелый стон, похожий на мычание. То ли эмбрион был настолько тщедушным, то ли измученная роженица в борьбе с криком потеряла последние силы, но новорожденный никак не мог появиться. Ловцы стояли наизготовку. Уже и голубовато-серый был отцеплен от клейких переплетений, уже надумили акушерку рассечь кровоточащее лоно, а предназначенный никак не появлялся. И тогда голубовато-серый решился: он увернулся от потерявших бдительность Ловцов и, стараясь следовать путеводной ниточке, еще пока не утерянной в этом странном месте, называемой Землей, ринулся на свободу. Но Ловцы не дали ему уйти – и он смирился: теперь ожидал вместе со всеми сморщенного красного уродца, чтобы быть всунутым в него и начинать отбывать наказание. Наконец, показалось тельце. Ловец профессионально втиснул голубовато-серого, подул на красную головку со слипшимися редкими волосами, и новорожденный издал первый

жалобный крик. Вместе с ним кричал и мучился овал: теснота. Клетка, а главное, накрывшая его глухота, – он никак не мог слышать сквозь это сплетение костей, жил, вен, органов, – привычной ему мелодии – Зова Вселенной.

– Поздравляю, у Вас родилась девочка! – сказала акушерка измученной женщине.

Ловцам было уже не до голубовато-серого. Сделав свое дело, они спешили покончить с остальными. За этим, уже начавшим отбывать наказание, будет присматривать теперь только Ангел.

Оставшихся распихали довольно быстро. Оранжевому удалось удрать. Пока Ловцы возились с двумя, одновременно родившимися, и открепили оранжевого и яростно-алого от сетки излучений, оранжевый воспользовался моментом и ринулся на знакомый Зов, который хоть и звучал здесь, на Земле приглушенно и тихо, но все же, явственно указывал дорогу домой. Предназначенный для него младенец, похватав ртом воздух, дернулся и затих.

О, Великий, перепутали! Зеленого с темно-зеленым. И теперь в тело девочки был втиснут темно-зеленый овал, предназначенный для новорожденного мальчика. Да, и зеленому было не легче.

Уже возвращаясь и вытягиваясь на Зов, Ловцы поняли, какую ошибку они совершили.

– Опять, опять трансвеститы!

Но было поздно. Извлечь растерянных, измученных, забившихся в клетки тел овалов и поменять, не представлялось возможным.

Первое время было невыносимо тяжело. Давили тела, было душно и тоскливо в пустоте, в тишине пульсирующего мира, куда не долетал Зов. Когда овалы пытались вспомнить музыку Космоса, приставленные Ангелы кидались и ревностно исполняли службу: не давали им сосредоточиться на Зове, и тогда беспокоились младенцы, оглашая ночь тонким и жалобным плачем. Матери, не понимая их мучений, старались утешить, как умели: брали на руки, пели незамысловатые песенки, еще больше сбивая овалы с желанной дороги Зова. Посопротивлявшись, овалы смирялись, и тогда младенцы раскрывали жадные вакуумные ротки и вцеплялись в нежную женскую грудь, изуродованную вздувшимися венами, распираемую солоноватым молоком. Вымотанные бесполезной борьбой, овалы затихали. Сколько раз они пытались вырваться! Сколько раз они пытались сообщить о своей непричастности к земной жизни и своем желании уйти на Зов!

Постепенно тоска стала затихать и не была уже такой мучительной и острой. Овалы смирялись и учились приспосабливаться к телесной клетке, находить контакты с мозгом, органами зрения, слуха, речи, движения и пытаться управлять импульсами, посылаемыми в мозг. Но и тело дарило их новыми ощущениями и заботами. Главная забота – Зов, главная любовь и преклонение – Великий, еще довлели над ними, но примешивались новые чувства. Тело младенца было таким слабым, таким зависимым от внешних условий, так нуждалось в молоке, в близости матери, что постоянно тянулось к ней, призывало ее к себе незамысловатым плачем почти поминутно. В то же время овал стал чувствовать, что не только тело младенца стремится к этой большой мягкой женщине, но и он ждет момента, когда она приблизится и станет утешать, баюкая, и свет ее глаз сделает ближе к нему ее душу – а именно – таким же образом заключенный в ней овал. Души их сливались, и становилось не так тоскливо и одиноко. В этот момент к святой любви к Великому примешивалась другая любовь – не такая возвышенная и святая, но очень живая и теплая. И хотелось свою заброшенность и одиночество преодолеть, слившись с другой такой же заброшенной душой.

Это и был первый шаг отступничества, грехопадения на земле – дорога, ведущая в сторону от святости ста сорока четырех тысяч праведников.

ГЛАВА 1

Детство

Юлька носилась среди огромных лопухов, поглядывая на небо. Небо нависало темно и влажно, глухое незлобивое ворчание грома отправляло ее домой, но девчушка упорно ждала первых крупных капель, вдыхая запах трав, источавших в погустевший воздух свое восторженное, смешанное с благоговейным страхом, ожидание тяжелого и, в то же время, омывающего от повседневной заботы и грязи, ливня. Наконец, ударилась о лопух первая капля, за ней вторая, мир прорезала яркая вспышка, и загрохотал над головой грозный мощный раскат: «Ты все еще здесь, негодница? А ну, марш домой!» Но Юлька не испугалась, она забралась под раскидистый лопух, под которым было сухо и уютно, и смотрела на льющуюся стену дождя. Затем, открутив волокнистый черенок от корня, сняла сандалии и храбро двинулась под этим зеленым зонтом в бушующее, грохочущее пространство. Теплая грязь мягко чавкала под ступнями, пролезала между пальцами и старалась запомнить маленькие ножки, чтобы тщательно заполнить их отпечатки дождевой водой. А ножки упрямо топали дальше. Уже и зонтик перестал спасать, и девчушка забежала под старую ветвистую липу, где стоял одуряющий запах от сбитых на землю мокрых кремовых соцветий. Секунду постояв там, она припомнила, что стоять под деревьями во время грозы нельзя, и двинулась дальше. О том, что под деревом может убить молния, рассказывал Стасик, но в глубине души Юлька не верила в историю, рассказанную им, что якобы его двоюродная тетка погибла именно так. Стасик был просто трус: он боялся грозы, молнии, мохнатую коричневую гусеницу, индюков; трусил лазить по деревьям, драться и раскачиваться «до солнца» на качелях.

Юлька шлепала по раскисшей тропинке к мокрому почерневшему крыльцу. Возле дома она увидела соседского Дениску. Он стоял почти голышом возле огромной свинцовой лужи, только короткие шортики прилипли к телу, обрисовывая круглую попку малыша. Дениска был на год младше девочки, и Юлька оказывала ему покровительство.

– Ты что, малой, – взрослым голосом обратилась к нему она, – ты, что тут делаешь?

– На пузырьки смотрю, – отозвался тот, не отрывая глаз от лужи. – В этих пузырьках воздух, им теперь червяки дышат.

– Какие червяки?

– Дождевые, которые под водой. А как пузырьки исчезнут, им нечем будет дышать, и они вылезут из лужи на воздух. Тогда я их увижу.

– А зачем тебе?

– Вовка говорит, что в лужах живут одни пиявки. А я хочу посмотреть, как червяки из лужи ползут. – И он остался дожидаться окончания эксперимента.

Юлька подошла к корытцу, стоящему возле крыльца, зашла в воду, показавшейся прохладной после теплой, мягкой грязи и принялась отмывать ноги. Вот появились розовые пальчики, вот и пяточки выглянули из-под сероватых потеков; и девочка, придерживая рукой лодыжку правой ноги, критически осмотрев одну ступню, поставила ее на крыльцо, затем наступила очередь левой, и вскоре Юлька уже открывала дверь, ведущую в сени. Дома было тихо и уютно. Высокий (выше Юльки раза в два!) любопытный фикус пытался разглядеть мир за окном, где теплый ливень омывал пыль с вольной сирени, где солнце уже готовилось выглянуть и светло улыбнуться чистым улицам и домам. Кот дремал на диване, и когда девочка подняла его, он сладко, не открывая глаз, протянулся в ее руках так, что ей захотелось лечь прямо тут, прижать к себе мохнатое тельце и подремать. Остановило только то, что волосы и платье были абсолютно мокрыми и на диване могли бы остаться серые разводы. Поэтому

девочка положила кота на вышитую думку и стала переодеваться. Чувство голода подсказало, что девчушка еще не обедала, пошла на кухню, пододвинула табуретку к плите, налила борщ в тарелку, на дне которой нарисованный мишка с аппетитом уплетал деревянной ложкой мед из нарисованной бочки. Поставила тарелку тут же на плиту, аккуратно спустилась с табуретки, отнесла тарелку к столу, достала нарезанные ломтики хлеба, сметану и принялась за еду. Надо сказать, что Юлька была на редкость самостоятельным ребенком, для своих пяти с половиной лет. Она наотрез отказалась посещать детский сад, где ей невыносимо было ходить строем, вместе со всеми в одно время есть, гулять и спать; и поэтому родителями было решено, что она будет находиться на воле, но под присмотром соседской тети Нюры. Тетя Нюра не очень докучала Юльке, как впрочем, и собственному внуку – тому самому натуралисту Дениске – исследователю жизни дождевых червей. Дети носились целыми днями по улице, предоставленные самим себе и тому удивительному миру, который называется «детством» – воспоминание о котором греет каждого на протяжении всей жизни.

На следующий день ее разбудил отчаянный стук в дверь – Юлька аж подскочила на своем диванчике, и кот, обычно спавший рядом с ней, возмутился беспардонным спихиванием с нагретого места. Но Юльке некогда было обращать внимание на обиженного Тихона, она бежала к двери, за которой творилось что-то невообразимое: стук руками, ногами, какой-то вой, плач. Юлька, как была в пижаме, распахнула дверь. «Верх неприличия», – успела подумать она маминым голосом. На крыльце стоял Дениска, весь в какой-то зеленоватой грязи, пахнувшей тиной.

– Юлька, Юлечка, – захлебывался плачем малыш, – побежали скорей, а то она его разрежет.

– Кого?

– Моего тритончика. Она выследила меня. У нее ножик, – и он снова горько зарыдал.

– Подожди, я сейчас.

Юлька влетела в комнату, скинула пижаму, натянула полинявшие шорты и рубашонку и, не расчесываясь, ринулась на улицу.

Они бежали, не разговаривая. Юлька сразу поняла, о ком идет речь: Любка, подлая Любка опять мучает животных и доводит до слез малышей. Все кипело в ней от возмущения, кулачки сжимались сами собой. «У, подлая!» Теперь самое главное было побыстрее обнаружить гадину Любку, пока она не убила беззащитного тритона. Дениска отставал, но Юльке он был уже не нужен, она догадывалась, где могла прятаться сейчас Любка. Эта дрянь всегда после пакостей скрывалась под большим кустом сирени, растущим под окнами дома ее бабушки. Если пакостницу настигала расплата за мерзости, они вопила о том, что ее обижают. И бабуся никогда еще ее не подводила. В сенцах всегда стоял наготове прут ивняка, с которым отважная бабуля бросалась на защиту своей внучки от гусей и «хулиганов». Те и другие панически бежали, завидев крепкую высокую фигуру, отличавшуюся завидным здоровьем, энергией и несдержанностью в выражениях.

– Ах, вы хулиганы, гады, недоноски эдакие!

Причем, все это несло в адрес детей, без разбора, вне зависимости от возраста и пола «недоносков».

Как ни старалась Юлька, она не успела: глаза бедного тритона затянула беловатая пленка, внутренности свисали из распоротого живота какими-то рваными шнурками и кусками, несчастное маленькое тельце было распластано на траве. Все это Юлька увидела в один миг, а еще она увидела девчонку в ярком зеленом платье, трусливо жавшуюся к стене. Любка обернулась на треск ветвей и стала отступать к спасительному окну. Она даже не смогла завопить по обыкновению в первый момент и только судорожно сжимала в руках перочинный

ножик. Юлька ринулась на нее, горя праведной яростью. Любка, все также молча, видя перед собой только гневное лицо преследовательницы, взмахнула ножом.

Юлька машинально провела рукой по лбу, потом поднесла руку к глазам, с удивлением разглядывая окровавленные пальцы, – боли она в тот момент не почувствовала. Зато услышала крик перепуганного Дениски, который смог наконец-то добежать до места гибели своего тритона. Малыш в ужасе переводил взгляд с растерзанного тритона на окровавленное лицо девочки и голосил: «Юля, Юлечка, она и тебя зарезала!» В это время раздался известный всему дому грозный голос высунувшейся из распахнутого окна бабки: «Ах, хулиганы!» – и, переходя на лживо-сочувствующий тон: «Кто тебя порезал, девочка?» Юлька даже не удостоила ее ответом, она сидела на завалинке, зажимая ладонью текущую кровь. Дениска сидел рядом на корточках, утирая слезы. Он поднял голову и гневно закричал:

– Твоя Любка ее порезала! И моего тритона тоже порезала! – и он указал на тельце в траве.

– Врешь ты все! – заорала бабка. – Ах, ты сопляк эдакий! Сами хулиганы покалечили друг друга, а теперь хотите все на внучку мою свалить! – от ярости бабка чуть не вывалилась из окна.

Но дети уже не обращали на нее внимания. Дениска помог подняться девочке, и они пошли по направлению к дому тети Нюры за помощью.

Вечером Юлька лежала на диванчике, разглядывая тени на стене, слушая мурлыканье разлегшегося рядом Тишки. Лоб, зашитый в больнице, почти уже не болел. Сквозь дрему она слышала, как пришла Любкина бабушка, как была она непривычна тиха и разговаривала с отцом льстивым, противным голосом. Отец требовал немедленного разговора с потрошительницей, но бабка упорно гнусавила: «Да, расстроилась деточка моя, плачет, так плачет!» И отец отступил.

Затем все затихло, и Юлька стала уплывать в свой чудесный, детский сон, где снова были травы, цветы, бабочки и счастливый Дениска нес в баночке невинного тритона. А потом сон резко сменился: властно понесло к звездам – это голубовато-серый пыталась уловить нить Зова. Исстрадавшийся овал вдруг затосковал по Космосу, и Юлька застонала во сне так жалобно, что соскочил с кровати в соседней комнате отец, подошел и положил ладонь на лоб дочери осторожно, стараясь не задеть повязку.

– Ну, что? – встревожено, спросила стоявшая рядом жена.

– Да, вроде, все нормально.

Но женщина, проверяя, еще раз дотронулась до лба девочки. Юлька не проснулась, но так страдальчески изогнулась припухшая верхняя губа, что у матери сжалось сердце.

Голубовато-серый уже метался по пространству, пытаясь уловить знакомый звук Зова, когда женщина присела на диванчик и стала гладить по волосам свою любимую девочку, нашептывая ей что-то тихое и ласковое. И овал не смог устоять. Он вернулся.

В это время фиолетовый угрюмо забился в расщелину тела. Временами он тяжело ворочался, и тогда Любка начинала обливаться холодным потом от страха. Она представляла себе, как к ней подходит большой мужчина и, потрясая прутом – тем самым из сеней, – задирает на ней платье, собираясь ее выпороть. Картина так явственно нарисовалась в ее воображении, что она завопила на весь дом:

– Бабушка, он меня бить будет!

– Кто, моя Любонька?

– Дядька Колька! Он меня бить будет! – снова завывала она, чувствуя, как обмирает в душе фиолетовый.

– Да, кто ему позволит?

И грузная женщина, склонившись к внучке, стала, утешая, гладить ее по голове. И ушел страх, и успокоился, затих фиолетовый. И опустилась ночь, давая отдых всем живущим в этом странном месте, называемым «Землей» – таким прекрасным с виду и таким жестоким по своей сути. – Где каждый поедает кого-то, стараясь продлить свое биологическое существование; где почти не слышно прекрасного Зова, несущего в себе гармонию; где мучаются и тоскуют овалы, заключенные в тела существ, мятущихся в поисках истины.

Юлька сидела на крылечке, прижавшись к крепкому отцовскому плечу. Он показывал ей на созвездья, висящие прямо над головой, рассказывал истории о том, как греческий бог или титан погиб, совершая подвиг, и поселился на небе. Девочка заворожено смотрела на мерцающие звезды, и непонятная тоска прокралась в незамутненную детскую душу. Вечер был теплым, небо бархатно-фиолетовым, воздух упоительным от аромата распустившейся метеолы, и отец был рядом – его широкая ладонь покоилась на Юлькином плече, но отчего-то ей было грустно. – Это голубовато-серый ворочался в груди, пытаясь припомнить то единственно-важное, что иногда мучило ночами, но неизменно ускользало от него. Голубовато-серый знал даже, что это главное связано с пульсирующими сияющими звездами, рассыпанными по ночному небу. Одна из них была особенно хороша: она переливалась всему оттенками сиреневого, пускающая в ночь колкие длинные лучи. Овал помнил, что именно с этой звездой, похожей на хризантему, связана мучившая его тайна.

Юлькина мама – Мария, проснулась от толчка в грудь. Она вскочила с кровати, и еще не понимая, что делает, кинулась в комнату дочери. Лунный свет, проникнув в щель между шторами, падал на постель девочки. Женщине стало страшно: лицо дочери было восковым, черты неподвижными, тонкие руки протянулись поверх одеяла вдоль тела. У Марии перехватило дыхание. Она бросилась назад в спальню и стала трясти за плечо мужа:

– Николай! Коля! Да, проснись же! С нашей девочкой что-то случилось!

Николай проснулся и, молча, ни о чем не спрашивая, пошел за женой в детскую. Щелкнул выключатель бра и комнату озарил приглушенный свет. В детском личике, по-прежнему, не было ни кровинки. Николай склонился к самому лицу дочери и успокоился, уловив едва различимое дыхание.

В это время овал плавал над ними. Пять минут назад ему удалось продраться через переплетения жил и костей, и теперь он наслаждался легкостью и свободой. Ему не терпелось рвануть к сиреновой звезде и вспомнить то единственно важное, что так мучило его, но в этот момент в комнату вошла Мария, а через некоторое время уже оба встревоженных родителя топтались у кровати ребенка. Мария подняла глаза вверх, как будто умоляя кого-то вернуть мир в ее душу. Голубовато-серый был поражен этим отчаянным взглядом. Ему хотелось покинуть душную комнату и окунуться в фиолетовую ночь, но почему-то он не мог причинить горе этой женщине. Он насупился и, ругая себя за ненужный альтруизм, покорно отправился восвояси. Тяжко вздыхая, он полез обратно той же дорогой, все через те же жилы, кости и пульсирующие сизые вены на отведенное ему место, и там затих.

В это время девочка глубоко вздохнула, открыла глаза и сказала:

– А я вас видела сверху.

– Откуда, сверху? – пугаясь неизвестно чего, спросила Мария.

– С потолка. – Нет, еще выше – с крыши. А хотела, с неба.

– Какого неба? – Пугаясь еще больше, расспрашивала женщина. Ее уже не держали ноги, и она присела на край постели.

– С нашего неба. Там есть сиреневая звезда, похожая на цветок, и я хотела слетать к ней.

– Что ты говоришь, девочка моя? – заплакала мать.

– Спокойно, Маша, Юлька просто наслушалась вечером легенд про созвездия, вот ей и приснилось.

– Нет, не приснилось! – упорствовала девочка. – Я видела сверху, что сначала к моей кровати подошла мама, потом побежала к тебе, папа, и трясла за плечо, чтобы ты проснулся. И тебя я видела, ты шел вслед за мамой босиком, поправляя на животе трусы. А потом ты наклонился надо мной, а мама так жалобно стала смотреть на меня, плавающую под потолком, что я решила спуститься к себе. Себя, спящую на кровати, я тоже видела сверху.

Мария обняла дочь и дрожащими руками принялась гладить волосы, руки, плечи дочери. Потом она сказала:

– Ты, Коля, как знаешь, а я ее окрещу.

– Ты что, Маш, меня же из партии выгонят.

– А, ну и пусть. Мне дочь дороже.

В эту ночь Мария легла на кровать рядом с дочерью и до самого утра не сомкнула глаз, умоляя Господа не забирать у нее единственное дитя.

В ближайшие выходные они отправились в церковь, стоящую на пригорке. Церковка была белая, пузатая с куполами, горевшими золотом под солнцем. Когда Юлька с матерью подошли к воротам, Мария стала еще раз напоминать девочке, что нужно вести себя скромно и тихо, как в больнице, слушаться батюшку и делать все, что он скажет. Юлька спросила:

– А там мне тоже прививку делать будут?

– Нет, нет, не будут, там вообще никто не будет тебе делать больно.

Успокоенная заверениями, девочка храбро двинулась в незнакомое место. Батюшка произвел на нее странное впечатление, он совсем не походил на Илью Ивановича – Юлькиного педиатра: ни тебе белого халата, ни игрушек в светлом кабинете. Посреди полутемной комнаты стояла огромная чаша, куда наливали воду. Рядом стоял бородатый дяденька в очках, одетый в белую длинную рубаху, поверх которой висел, качаясь на толстой цепи большой желтый крест. Юлька во все глаза смотрела на невиданное и незнакомое: на картины, развешанные по стенам (это иконы, – сказала мама), на волосатого дяденьку возле купели, на бабушку в платочке, с которой разговаривала мама, на огоньки свечей, – ей все было интересно. Страху не было. Юлька делала все, как говорил ей батюшка, только один-единственный раз, когда в его руках появились ножницы, она заявила:

– Не надо мне челку стричь, мы с мамой будем мне косы отращивать!

На что батюшка улыбнулся:

– Да я, чадо, совсем немного.

После того, как Юльку обтерли после купания, ее повели в высокое здание рядом, где икон было еще больше, свечи горели еще ярче, запах ладана был еще гуще и лип к одежде.

– Причастись, чадо.

И девочке дали выпить с ложечки что-то сладкое и пахнущее вином, съесть малюсенькую булочку и заставили поцеловать тот самый желтый крест на тяжелой цепи. На этом крещение закончилось.

Они шли по пыльным мощеным улицам, а Юльке отчего-то было радостно, и она счастливо смеялась.

– Ты крестик никому не показывай и не говори, что мы были в церкви, – внушала по дороге мама.

– Мама, мама! – разбудила утром возгласом родителей Юлька. – Мама, мамочка, а меня сегодня всю ночь мальчик с крыльями носил по небу! Мы с ним летали! – и Юлька в восторге заскакала по комнате.

В ее груди сладко нежился голубовато-серый, абсолютно утешенный полетом с Ангелом по ночному пространству. Он, размягченный, мягко свернулся и посапывал в довольстве и покое. Если бы Ангел прилетал и забирал его еженощно, он бы окончательно примирился с подобным существованием.

Еще только раз овал позволил себе несанкционированную выходку, напугавшую родителей девочки. Со дня крещения, время стало безобразно медлительным, и ночи, нехотя сменявшие друг друга, не приносили радости голубовато-серому. Они были бесплодными – Ангел не появлялся. Овал тосковал в ожидании все сильнее, но ничего не происходило: зовущее ночное небо оставалось недосягаемым. И тогда он решился. Теперь он знал, что обязан будет вернуться к спящему маленькому тельцу, и желал полетать совсем немного, вкусив хотя бы ненадолго ощущение чистоты и свободы. Да, и летает он совсем низко. Он понимал, что пока звезда для него недосягаема, что он может только смотреть на нее, тоскуя, но должен оставаться здесь, пока ему не разрешат покинуть землю и не призовут. Ангел был ревностным служакой и объяснил овалу его обязанности.

Овал прислушался. Все как обычно: пульсирующие сизые вены, кости, жилы, горло и вот – желанная свобода! Он воровски оглянулся, никто не наблюдал за спящим телом, тогда он стал подниматься все выше и выше. «Нет, нет, – останавливал он себя: мне нельзя туда к поющим Зов звездам и к ней – сиреневой солистке, тем более нельзя. Я летаю совсем низенько, совсем от земли близенько, я только немножко отдохну и разомнусь». Он уговаривал себя, а сам уже несся в упоительном полете: под ним мелькали города, страны; острова проносились так быстро, что он не успевал рассмотреть подробности, да он и не старался – его сейчас манил только полет. И все-таки в одном месте он задержался – бедуины – один из древнейших народов планеты раскинули свои шатры прямо на вечных песках пустыни. Ночью в пустыню приходит благодатная свежесть и люди, не теряя драгоценного времени, сутились: готовили еду, поили верблюдов, поправляли жилища. Овал плавал над ними недолго, как ему показалось, но все же, опоздал. Он уже лез обратно внутрь тела по проторенной дорожке, как в детскую вошла Мария и склонилась над дочерью. Овал так торопился занять свое место, так был опьянен недавними впечатлениями, что не проконтролировал ситуацию: Юлька открыла глаза и что-то стала говорить во сне. Мария, зажав себе рот ладонью, чтобы не закричать, метнулась к мужу и через мгновение уже тянула его, сонного, к детской постельке:

– Тихо, тихо, Коля, не испугай ее. Ты послушай, что она говорит!

– Тарабарщина какая-то. Маша, она просто спит.

– Коля, Коля, – Мария чуть не плакала – Это же язык какой-то, неизвестный!

Юлька сидела в кровати с открытыми глазами и, уже раскачиваясь, напевала тихонько восточный мотив с переливами и трелями. Потом снова незнакомые стройные слова полились из ее уст. – Это голубовато-серый купался в пережитых впечатлениях ночи. Наконец, он заметил людей, замерших в ужасе перед девочкой, и обиженно замолк. Потом свернулся улиткой, совершенно несчастный от того, что его все же застучали и не во время прервали, и затих. В это время девочка глубоко вздохнула, легла на подушку, подложив ладошку под щеку, задышала ровно и спокойно.

ГЛАВА II

Конец детства

Юлька в составе «разбойников» пряталась от «казаков». Ветер свистал в ушах от бега, косы хлопали по взмокшей от пота рубашке, высохшие под солнцем травы кололи голые ноги, но девочка неслась от преследователей все дальше – в спасительную густую зелень кустов, плотно обступивших здание водокачки. Сзади сопел Вовка. Они, наконец, добежали до лаза в заборе, нырнули в проем и затаились под кустом сирени. Было прохладно и приятно. Казаки искали совсем рядом с водокачкой, и дети сидели, стараясь не выдать себя неосторожным движением. Вот крики казаков стали отдаляться, мальчишки пробежали мимо забора, но потом, видимо, решили поискать и тут. Юлька замерла, сердце бешено колотилось в груди, во рту пересохло. Треск кустов говорил о том, что преследователи близко. Они прошли совсем рядом с тем местом, где затаились двое из разбойников, видны были их голые исцарапанные загорелые ноги, запекшаяся кровь на коленке одного из казаков, разбитые за лето вдрызг сандалии, слышно было пыхтение мальчишек. У Юльки от напряжения стучало в висках, в любой момент она готова была выскочить из укрытия и, проламываясь сквозь кусты, кинуться от вражеских представителей. Но этого делать не пришлось. Мальчишки, обыскав эту часть двора, повернули за угол, и пошли обыскивать западную сторону. В это время Юлька почувствовала на своей щеке горячее дыхание.

– Ты чего? – спросила она странно смотревшего на нее Вовку.

– Я люблю тебя, я буду любить тебя всегда! Когда мы вырастем, мы поженимся! – и он чмокнул ее в щеку.

– Дурак! – закричала Юлька и оттолкнула от себя парнишку с такой силой, что он упал навзничь на спину, с треском ломая ветки.

Шум и вопли тут же привлекли к себе внимание «казаков», к ним тут же бросилась ватага мальчишек. После этой игры, Юлька, не обращая внимания на уговоры «разбойников», ушла домой. Мать, удивленная ее ранним появлением, пощупала лоб дочери и, не обнаружив признаков заболевания, оставила ее в покое. Мария, напуганная странностями, происходившими с ее девочкой в детстве, относилась к ней с пристальным вниманием и щемящей нежностью женщины, устремления и любовь которой изливаются на единственное чадо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.